

УДК 821.161.1.09-1

КОНЦЕПТ СЕМЬИ В ТВОРЧЕСКОМ СОЗНАНИИ А. Т. ТВАРДОВСКОГО**В. А. Редькин**

Тверской государственный университет
кафедра филологических основ издательского дела и литературного творчества

В творчестве А. Твардовского образ семьи носит концептуальный характер. Отсюда его поэтические строки, посвященные матери, отцу, братьям, родному хутору Загорье. Это мир, открытый навстречу человеку, мир любви и добра, благожелательности, традиционной народной нравственности. Концепт семьи, основанной на кровных узах, перерастает в концепт Родины, державы.

Ключевые слова: *русская поэзия XX века, А. Твардовский, семья, отец, мать, братья, традиция, соборность, Родина, художественное пространство, художественное время, композиция.*

Подводя итог исследованию употребления термина «концепт» в литературоведении, С. Ю. Николаева подчеркивает: «В искусстве слова, в поэзии концепт – это мельчайшая, неделимая единица памяти поэта, фрагмент картины мира, возникающий в творческом сознании художника, инструмент для создания художественного мира» [4, с. 128]. Концепты семьи, дома, отца, матери, братьев сливаются в единое нерасторжимое целое. Так, концепт «Дом» используется А. Т. Твардовским в самом широком понимании этого слова. Это и любовь, и семья, и природа, и малая родина, и держава. Это гармония, лад человека и мира. «И палисадник под окном, / И сад, и лук на грядках – / Все это вместе было дом, / Жильё, уют, порядок» [11, с. 13], – писал поэт в поэме «Дом у дороги». При этом концепты дома и семьи укоренены в глубинах национального сознания, которое формировалось и воплощалось в фольклоре и древнерусской литературе. По мнению исследователя влияния древнерусских памятников на литературный процесс XIX–XXI вв., «писатели под воздействием различных индивидуальных творческих стимулов обращались к таким традиционным, устойчивым литературным сюжетам, мотивам, образам, к “общим местам” русской культуры, использование которых помогало им объяснить факты и явления современной действительности, осмыслить эти факты в широком контексте исторического бытия нации и проникнуть в тайны и глубины духовной жизни современного человека» [3, с. 250].

Истоки миропредставления поэта лежат в детстве. Образ семьи носит концептуальный характер. Отсюда его поэтические строки, посвященные матери, отцу, братьям, родному хутору Загорье. Это мир, открытый навстречу человеку, мир любви и добра, благожелательности, традиционной народной нравственности. Поэт показывает врожденное трудолюбие русского крестьянина, унаследованную от прадедов совесть, доброту, чуткость, отзывчивость, генетически запрограммированную честность, патриотизм и гуманизм. В его творчестве воплощается поэзия труда, сердечная привязанность к земле. Народ уважает чужую собственность, нажитую личным трудом, умом, смекалкой, практичностью. Эта мысль лежит в основе его стихов 30-х годов, которые подвергались жесткой критике, его поэмы «Страна Муравия», а позже поэмы «По праву памяти».

Характерно его стихотворение «Братья», внешне простое и безыскусное, но очень глубокое по своему смыслу. Уже здесь вырабатывались те эстетические принципы, которые позволили Александру Твардовскому создать гениальную поэму-эпопею «Василий Теркин». А. Солженицын подчеркивал, что Твардовский сумел написать вещь вневременную, мужественную «по редкому личному чувству меры, а может быть, и по более общей крестьянской деликатности» [7, с. 14]. Это высказывание можно отнести и к большинству лирических стихотворений поэта.

Стихотворение «Братья» ставит важнейшую проблему ценности семьи, родственных братских чувств. Не случайно Иисус Христос учил людей быть друг другу братьями. Лозунг Великой Французской революции: «Свобода, равенство, братство» – стал идеалом для всего прогрессивного человечества. Какова же братская любовь? На чем она основана? Какие этические требования предъявляет человеку?

Следует подчеркнуть пронзительную искренность и правдивость стихотворения Твардовского. Истоки братской любви – в единстве корней, общей любви к родителям, бабушкам и дедушкам, к родной природе, малой Родине. Дед Александра Твардовского Гордей Васильевич был крепостным, отданным на много лет в солдаты, служил в Польше. Ему посвящено стихотворение «Мне памятно, как умирал мой дед...»: «Мы с ним дружили, он любил меня, / Я тосковал, когда он был в отлучке, / И пряничного ждал себе коня, / Что он обычно приносил с полочки» [11, с. 138]. Главная мысль стихотворения – в единении человека с миром и людьми как во времени (настоящего с прошлым), так и в пространстве: В семье он ценит соборное начало. Смерть одного члена семьи воспринимается как общее горе: «... Неизбежный час, / Как мне расстаться – малой части – с целым, / Как этот мир мне потерять из глаз, – / Не может быть моим лишь частным делом» [Там же, с. 139].

Гордей Васильевич женился уже немолодым на дочери другого русского солдата – Зинаиде Ильиничне. За двести накопленных за долгие годы рублей они купили землю на Смоленщине, построили дом. Родились дети. Православная церковь считает грехом ограничение количества рождаемых детей, и семьи крестьянские, купеческие или дворянские, как правило, были многодетными. Седьмым ребенком в семье Твардовских был Триша, Трифон – будущий отец поэта. Конечно, родители, живущие тяжелым крестьянским трудом, хотели, чтобы у сына была более легкая и счастливая судьба, поэтому отдали его учиться торговле в городскую лавку, но там от него требовали лгать, обманывать, воровать. В их трудовой семье это всегда сурово осуждалось, и мальчик не смог и не захотел отказаться от семейных традиций. Он бежал от хозяина домой, пройдя много верст пешком, предпочел тяжелую, но честную и почетную для деревни, нужную всем профессию кузнеца. Четыре года был учеником и за это время полностью овладел профессией.

И вот удивительная судьба. Благодаря своему мастерству он подружился со шляхтичем, которому подковывал лошадей, а через него с семьей небогатого и многодетного (шесть дочерей и два сына) дворянина Митрофана Яковлевича Плоскачевского. Этот дворянин и стал вторым дедом Александра Твардовского. Трифон Гордеевич и Мария Митрофановна полюбили друг друга и поженились. У матери-родины все сословья и классы – братья, все они должны ее любить и служить ее процветанию. Так Александр Твардовский с детства впитал в себя народно-крестьянские традиции от отца и высокую русскую национальную культуру от образованной матери. Конечно, молодой, красивой дворяночке было нелегко привыкнуть к суровым законам крестьянской семьи, и молодые купили на деньги из приданого Пустошь, построили хутор, который по имени ближайшей деревни стал называться

Загорье. Он и стал родиной поэта и его братьев: «Свой клин, своя держава / Лежала у крыльца, / Налево и направо / До первого копца. // На том большом просторе, / Все как один с лица, / На хуторе Загорье / Росли мы у отца. // На хуторе корову / Пасли мы впятером, / Сад стерегли плодовый, / Смотрели за двором. // В овине хлеб сушили, / Брели за бороной. / Ходили как большие, / С руками за спиной» [10, с. 255].

Жили трудно: то побогаче, то совсем скудно. Корчевали лес. Когда своей земли не хватало, арендовали ее у помещика. Семья по традиции была многодетной. Рядом с Александром подрастали братья и сестры: Константин, Иван, Павел, Василий, Анна, Мария. В долгие зимние вечера в семье были приняты коллективные чтения замечательных русских писателей и поэтов, произведения А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, И. С. Никитина, Н. А. Некрасова, А. П. Чехова, С. Есенина. Трифон Гордеевич в детстве пел в церковном хоре, имел хороший голос и любил исполнять не только народные песни, но и отрывки церковной службы. Он не был религиозным фанатиком, но был человеком верующим. Все это духовно сближало семью, воспитывало чувство привязанности друг к другу. Много времени братья вместе с отцом проводили в поле, в лесу, у реки. «К запоминающимся детским радостям надо отнести также наши совместные с отцом походы за грибами – лес-то был рядом. Мы хорошо собирали грибы. А отец не упускал случая обратить наше внимание то ли на отдельное дерево, то ли на группу деревьев, поясняя в чем их красота» [14, с. 141], – вспоминает Константин Трифонович.

По его словам, о Трифоне Гордеевиче написано много небылиц. Кто заявлял о том, что он пьяница, кто – что угнетатель, консерватор и богачей. Лучше самого Александра Твардовского об этом не скажешь. В поэме «По праву памяти» он писал, что желание крестьянина выбиться из нужды, стать зажиточным естественно и не предосудительно. Крепкий хозяин (не вор, не ростовщик, не шинкарь) был уважаем в деревне. И если имел крестьянин слабость – мужицкое тщеславие, то оно и состояло в том, что ему страшно хотелось, чтобы все считали его умным, удачливым, а значит, крепким, самостоятельным хозяином. Может, поэтому отец Твардовского даже в голодные годы носил шляпу, что было в деревне не принято. В облике своего отца поэт рисует удивительно благородный и выразительный, яркий и впечатляющий, цельный и полный внутреннего достоинства образ русского крестьянина, который, хоть и имеет трагическую судьбу, но не сломлен бедой, не унижается в любых обстоятельствах. Поэт высвечивает одну деталь портрета – трудовые руки мужика: «В узлах из жил и сухожилий, / В мослах поскрюченных перстов – / Те, что – со вздохом – как чужие, / Садясь к столу, он клал на стол. / И точно граблями, бывало, / Цепля ложки черенок, / Такой увертливый и малый, / Он ухватить не сразу мог» [9, с. 750].

И вот подлинного труженика, который «горбел годами над землей, кропил своим бесплатным потом, смыкал над ней зарю с зарей» [Там же, с. 751], посчитали социально опасным элементом, навесили ярлык «кулака», выслали со всем семейством за Урал, в верховья таежной реки Ляли. «Отдельной не было мозоли – сплошная. / Подлинно – кулак» [Там же, с. 750], – с горькой иронией писал поэт. Много лет спустя А. Твардовский об этих страшных для семьи событиях сказал так: «В краю, куда их вывезли гуртом, / Где ни села вблизи, не то что города, / На севере, тайгою запертом, / Всего там было – холода и голода...» [8, с. 45].

О глубочайшем сочувствии А. Твардовского так называемым «раскулаченным», а на самом деле ограбленным, униженным и оболганным крестьянам говорят написанные еще в тридцатые годы строки «Страны Муравии», которые в 40-50-е

годы выбрасывались из поэмы. Они живописно рисуют сам момент выселения и высылки: «Их не били, не вязали, / Не пытали пытками, / Их везли, везли возами / С детьми и пожитками. / А кто сам не шел из хаты, / Кто кидался в обмороки, – / Милицейские ребята / Выводили под руки...» [9, с. 14]. Страшно было представить, что то же происходило и с его собственной семьей.

В феврале 1928 года, когда А. Твардовскому было 17 лет, он покинул отцовский хутор, семью, чтобы искать свою непростую долю на поэтическом пути. Разрыв с семьей спас Твардовского от репрессий. Помочь семье А. Твардовский в свои 20 лет, конечно, не мог. Больше того, его самого травили в печати и прорабатывали на собраниях.

В июне 1930 года А. Твардовского исключили из ассоциации пролетарских писателей на шесть месяцев, найдя в его поведении «буржуазные пережитки». Вина его состояла в том, что он, отказывая себе в еде, купил приличный костюм, чего его сверстники в то время обычно не делали. В начале 1931 года В. Смолин обрушился на стихотворение А. Твардовского «Четыре тонны» за то, что в нем «классовая сущность кулака» «затушевывается человеческими качествами», что стихотворение «проникнуто классово чуждыми настроениями, содержит в себе неверную политическую оценку происходящих событий» [6, с. 57]. На самом деле в стихотворении речь шла о том, что комсомольцы выпили у кулака молока и выслушали его мнение о происходящих событиях, конечно, не соглашаясь с ним.

В марте 1931 года Твардовского вторично, теперь уже бессрочно исключают из РАПП. За это предложение фактически проголосовали все смоленские писатели. Нашел в себе мужество воздержаться один только поэт – Николай Рыленков. Секрет преследований А. Твардовского прост. «Все мы считали, что Твардовский сын кулака», – признается один из его современников [5, с. 175]. В 1934 году цензурой была запрещена поэма Твардовского «Мужичок горбатый» и вырезана из уже набранного и готового к распространению журнала. То же произошло с поэмой «Моргуниха». Мысль, которую высказывает А. Твардовский в этих произведениях, о том, что бедняк может быть просто лодырем, для политиков того времени была неприемлемой.

В этой связи мнение известного литературоведа В. Кожина, как и ряда других критиков, что Александр Твардовский «искреннейшим сталинистом был, без сомнения» [2, с. 89], кажется весьма неубедительным. А. Твардовский не помогал репрессированным родителям, братьям и сестрам вовсе не по идейным соображениям, – просто поначалу сделать это было невозможно. Как только у А. Твардовского появилась возможность облегчить судьбу своих близких, он тут же это сделал.

В апреле 1936 года он нашел высланных родственников в селе Русский Турек Кировской области и помог им вернуться в Смоленск, где и произошла встреча семьи в полном составе. Трогательны воспоминания матери о том, как неожиданно появился их избавитель и какая это была радость: «Такая грусть напала на меня, что отвести ее можно было только слезой. Слеза, может, человеку и дана природой, чтобы заглушить горе. И только бы сказать: “Где же ты задержался, “перевозчик” ты мой?” – а в дверь: тук, тук, тук! И не знаю, сказала “Да!” или нет, обернулась – входит... Шура. “Боже мой!” – вырвалось, думала: привиделось мне, а он, мой родной, бойко так – ко мне, освободил руки – чемодан был – и: “Мама! Родная! Нашел же я тебя!” – обнимает, целует и опять: “Мама, милая, здравствуй!” Ну где же тут удержишься? – Рада, а сердце почему-то никак не утихнет...» [12, с. 99]. Народная песня о перевозчике была одной из самых любимых у матери Твардовского, и поэт позже процитировал ее в одном из своих стихотворений: «– Ты откуда эту песню, / Мать,

на старость запасла? / – Не откуда – все оттуда, / Где у матери росла. // Все из той своей родимой – / Приднепровской стороны, / Из далекой-предалекой / Деревенской старины. // Там считалось, что прощалась / Навек с матерью родной, / Если замуж выходила / Девка на берег другой. // Перевозчик-водогребщик, / Парень молодой, / Перевези меня на ту сторону, / Сторону – домой... [8, с. 49].

Образ матери в стихах А. Твардовского более лиричен, чем образ отца, и мало связан с социально-классовыми проблемами, а скорее с образом Природы, Родины, философскими проблемами бытия, жизни и смерти, поисками духовных ценностей и смысла существования. «И первый шум листвы еще неполной, / И след зеленый по росе зернистой, / И одинокий стук валька на речке, / И грустный запах молодого сена, / И отголосок поздней бабьей песни, / И просто небо, голубое небо – / Мне всякий раз тебя напоминают» [10, с. 135], – писал поэт в 30-е годы, а позже посвятил матери цикл из пяти стихотворений.

В 1933 году, когда была написана первая часть стихотворения «Братья», А. Твардовский не знал и не мог знать о судьбе своих братьев Константина и Ивана, которые оставили семью и попытались устроиться в жизни самостоятельно, скрывая, конечно, свое «кулацкое» происхождение. Старший брат устроился работать в колхозе на Кубани, младший – помощником сталевара на железнодорожный ремонтный завод под Москвой. Характерно, что при встрече с Иваном, по его словам, первые вопросы поэта были: «Ну как ты? Кто ты? Откуда? Куда?» Почти как в стихотворении.

Первая часть стихотворения позволяет поставить вопрос о семье, кровных узак как духовно нравственной ценности в этом мире, основанной на любви и привязанности друг к другу, к родителям, малой родине, природе. Стихотворение двупланово во времени. В нем как бы противопоставлены суровое настоящее и радостно-светлое прошлое. Детские воспоминания обычно бывают волнующими и приятными, потому что они освещены родительской и братской любовью, надеждой на счастливое будущее, уверенностью в силе и правоте отца, красоте и душевности матери. В первой же строфе рисуется «свой» (четырежды повторяется это слово) мир маленького Шуры, как звала поэта в детстве мать. Что включается в этот мир? Сад, колодец, сарай, дубы, ельник и, наконец, шишки. Следует обратить внимание на градацию от большого к малому: «Мы любили свой хутор, / Свой сад, / Свой колодец, / Свой ельник и шишки» [10, с. 69].

Пространство как бы сужается. Этим достигается выражение усиливающегося чувства. Поэт любит весь хутор, его сад, ельник, колодец и даже каждую шишку. В поэме «Страна Муравия», чтобы выразить любовь героя к своему миру, Твардовский использовал с той же целью диалектное слово: «Посеешь бубочку одну, и та – твоя» [Там же, с. 289]. М. Горький, редактируя поэму, исправил бубочку на зернышко. Но поэт упрямо вернул прежнее слово. Почему? Потому что ему важно подчеркнуть, что он сам и его герой любят малую родину до шишечки, до бубочки, до капельки.

Ясно, что на подраставших братьев отцовской земли бы не хватило. Поэтому Константин пишет в своих воспоминаниях: «Наше будущее было весьма неясно. Как будем, что будем – не знали. Знали только, что хата мала, тесна для семьи в десять душ. А при такой тесноте о женитьбе можно было лишь пошутить» [14, с. 152]. Дети это не сразу поняли, «часто разговаривали о том, кто кем будет, когда вырастет большим. Определяли, кто на какой горке построит хату. О женитьбе говорить стеснялись...» [Там же, с. 151].

«Наше крестьянское детство было чистым, светлым и вполне здоровым. А значит, и милым. Мы любили окружающую нас природу и росли слитно с ней, – вспоминает другой брат Александра Трифоновича, Иван. – ...С ранней весны и до глубокой осени бегали босыми, нас не баловали лакомствами, мы не должны были самовольно куда-то отлучаться, бесцельно проводить время. ...Нас приучали любить и уметь трудиться» [13, с. 158].

Итак, первое, что объединяет братьев, – их общее чувство любви к малой Родине, природе, своему запомнившемуся с детства миру. Другой основой братской общности является кровное единство, родительская забота и ответное чувство. За что отец любит своих детей и почему называет их сынами? За ухватку. А это, по Далю, – ловкость, сноровка, расторопность, бойкость, догадливость. Ухват – «ухарь, удалец, бойкий парень, провор» [1, с. 524], то есть отец относится к сыновьям как к наследникам своего дела, своего хозяйства, считает, что их ум и сметливость помогут им в этом. Относится к ним как ко взрослым, и в ответ они испытывают гордость.

Конечно, глядя из настоящего на себя как ребенка, поэт не может скрыть добрую улыбку. В 1933 году, когда было написано стихотворение «Братья», А. Твардовскому было 23 года. «Лет семнадцать тому назад» [10, с. 69] ему было шесть лет, Константину – восемь. А если речь идет об Иване, то ему и вовсе – два. Только улыбку может вызвать воспоминание о том, как эти ребяташки, «выпятив груди», сидели с отцом «как большие, женатые люди» [Там же] и рассуждали о жизни. Маленькие наивные дети, а впереди большая, сложная жизнь. Это ощущение одиночества, загадочности и даже опасности, исходящей от окружающей действительности, ощущалось уже в то время, что стало основной мыслью следующей строфы. Этим еще больше подчеркивается надежность и основательность отцовской семьи.

Воспоминания о детстве наполнены звуковыми и зрительными образами, осязаемы, полны запахов, красок и даже памяты на вкус. «Одинокий кузнечик сверчал, / И горячее сено шумело...» [12, с. 69] Аллитерация, насыщение этих строк свистящими и шипящими звуками как бы воскрешают воспоминания. А почему сено горячее? Потому что оно свежее, пахучее. Целый день оно было на солнце и сохранило в себе его тепло. Оно само – итог трудового дня. Общий труд тоже сближает братьев. И полные корзины грибов, и вкус желудей («В детстве вкусные желуди были!» [10, с. 70]) – все вызывает ностальгическое чувство невозвратности счастливого времени. А почему желуди казались вкусными? Наверное, деревенские ребяташки были здоровыми, активными и часто голодными.

Заключительная строфа первой части стихотворения переносит читателя из счастливого и прекрасного, защищенного отцом и семейным теплом детства в суровое, непонятное и жестокое настоящее. Трагический пафос стихотворению придает мотив отчуждения. На смену любви и близости («Мы друг друга любили и знали» [Там же]) приходит трагедия репрессированной семьи. Каждый в то время знал, что Беломоро-Балтийский канал строили заключенные, чаще всего люди, записанные по политическим соображениям в классовые враги, то есть те, кто брал на себя смелость иметь собственное мнение и не соглашаться в чем-то с властями: священники, крепкие, самостоятельные крестьяне, бывшие купцы или члены запрещенных партий. Композиционно стихотворение построено так, что серия вопросов, обращенных отцом к сыновьям: «– Ну, сыны? Что, сыны? Как, сыны?» [Там же, с. 69] – переключается с вопросами поэта к брату: «Что ж ты, брат? Как ты, брат? Где ж ты, брат?» [Там же, с. 70] В этих вопросах и сожаление о случившемся, и сомнение,

каким же стал брат, и даже какой-то упрек («Что ж ты, брат?»), но главное – беспокойство о судьбе брата и сострадание. Собственно, в этой переключке вопросов отца и сына и заключается истинный смысл произведения. Поэт не только не отрекается от отца, но и утверждает его высокие нравственные требования к себе и брату.

Во второй части стихотворения, написанной в 1937 году, когда мытарства семьи А. Твардовского закончились сравнительно благополучно, утверждаются нерушимость братских уз, преодоление отчуждения, возвращение любви: «И сидит он сейчас предо мной, / Возмужалый, смущенный и милый. / Здравствуй, брат. Это – ты. Это – мой. / Мать одною нас грудью кормила. // Мы сидим за столом, мы друзья, / Мы друг другу открытые люди. / Все ты видишь и знаешь, что я, / И любовью надежно любишь» [Там же, с. 70].

Братское единство утверждается эмоционально насыщенным образом матери. Повтор ситуации детства: «И сидели мы..., как большие женатые люди» [8, с. 69] и «...Сидим... мы друг другу открытые люди» [10, с. 70] – скрывает в себе горечь пережитого. Теперь-то они действительно взрослые, а только что прозвучавшие слова о Беломорском канале не дают читателю забыть о том, что возмужание и жизненный опыт дались им нелегко. И все-таки мечта отца осуществилась. Братья оказались действительно «Подходящие с виду ребята. / Два, по правде сказать, молодца, / Два бойца, / Два родимые брата» [Там же].

Родимый – это не только родной, кровный но, по Далю, «милый, сердечный, желанный» [1, с. 11]. Теперь братьев связывают самые доверительные, сердечные отношения. На какой основе? На основе любви не только к малой родине, хутору, но и к Родине большой, к своей стране, своему народу. Именно это чувство теперь объединяет братьев «вместе». Во второй части стихотворения пространство расширяется до пределов всего государства. Возникает еще одна параллель: ласково-строгое слово отца – и такое же слово страны. В контексте эпохи, накануне Великой Отечественной войны ответ братьев звучит особенно значимо: «Вместе слышим мы голос страны, / Слышим ласково-строгое слово: / – Ну, сыны? / Как, сыны? / Что, сыны? / Ничего, – отвечаем, – готовы...» [10, с. 70].

Так концепт семьи, основанной на кровных узах, перерастает в концепт семьи Родины, державы.

Последние вопросы звучат и как обращение к нынешнему поколению. Стихотворение разомкнуто в будущее и оказывается удивительно актуальным в наше время, когда Родина особенно нуждается в патриотах, которые служили бы ей преданно и бескорыстно, несмотря на бездарных и подлых политиков, на все их издевательства над русским народом, Россией. Истинные произведения искусства не устаревают.

Список литературы

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. Т. 4. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1955. 683 с.
2. Кожин В. В. Судьба России: вчера, сегодня, завтра. М. : Мол. гвардия, 1990. 252 с.
3. Николаева С. Ю. Древнерусские памятники в литературном процессе (от Г. Р. Державина до Ю. П. Кузнецова) : монография. Тверь : Тверской гос. ун-т, 2010. 252 с.
4. Николаева С. Ю. Концепт «Степь» в коммуникационном пространстве поэзии П. Н. Васильева // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2011. № 3. С. 127–139.

5. Павлов Н. К. Становление (О начале творческого пути А.Твардовского) // Творчество А. Твардовского. Исследования и материалы. Л. : Наука, 1989. С.167–193.
6. Смолин В. О литературном отделе «Западной области» // Наступление. 1931. № 2. С. 56–59.
7. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 6. С. 5–48.
8. Твардовский А. Из лирики этих лет. М. : Сов. писатель, 1976. 95 с.
9. Твардовский А. Т. Поэмы. М. : Сов. писатель, 1988. 775 с.
10. Твардовский А. Собр. соч. : в 4 т. Т. 1. М. : Худож. лит., 1960. 368 с.
11. Твардовский А. Собр. соч. : в 4 т. Т. 3. М. : Худож. лит., 1960. 360 с.
12. Твардовский И. Т. Мои встречи с братом // Великая Отечественная война в творчестве А. Т. Твардовского, М. В. Исаковского, Н. И. Рыленкова. Смоленск : Смоленский гос. пед. ин-т, 1989. С. 96–107.
13. Твардовский И. Т. Слово о брате // Творчество А. Твардовского. Исследования и материалы. Л. : Наука, 1989. С.155–166.
14. Твардовский К. Т. На хуторе Загорье // Творчество А. Твардовского. Исследования и материалы. Л. : Наука, 1989. С. 128–154.

THE CONCEPT OF THE FAMILY IN THE CREATIVE MIND OF A. T. TVARDOVSKY

V.A. Redkin

Tver State University

the Department of philological basics of publishing and literary creation

In Alexander Tvardovsky's works the image of the family is conceptual in nature. Hence his poetic lines, dedicated to the mother, the father, to brothers, and to the Zagorye farm, the poet's home. This is a world open to meet the man, the world of love and kindness, benevolence, and traditional folk morality. The concept of the family based on blood ties, develops into the concept of the Motherland and State.

Keywords: *Russian poetry of the XX century, A. Tvardovsky, family, father, mother, brothers, tradition, unity, homeland, fictional space, fictional time, composition.*

Об авторе:

РЕДЬКИН Валерий Александрович – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой филологических основ издательского дела и литературного творчества Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: foidid-red@rambler.ru.

About the author:

REDKIN Valery Alexandrovich – doctor of Philology, Professor, head of the Department of philological basics of publishing and literary creation, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), e-mail: foidid-red@rambler.ru.